

LILITH

Много лет назад мне приснился аэропорт. Мои родители, сын, почему-то взрослый. А где же брат? Брата не было. Я стояла возле самолета, и видно было здание аэропорта за их спинами. И папа повторял с нажимом:

– Мы хотим, чтобы ты уехала. Навсегда.

Потом они следили, как я неохотно поднимаюсь по трапу.

Я проснулась в смутной тоске. Почему они меня прогоняли?

Брат умер через пару месяцев после этого сна. А уехала я только через восемь лет.

От суицида он умер, от чего же еще. Почему-то про это нельзя было говорить, все эти годы. Как будто что-то лежит у тебя перед глазами, и ты не смеешь это назвать.

– Заснул и не проснулся, – повторяла мама. И все бросались ее утешать.

Тут была правда, но не вся. Годом раньше он с седьмого этажа прыгнул. А теперь средством стали вещества. Марцефаль. Джейф. Марсианские хроники.

Вот это нас различало – его тянуло к смерти. Я думаю, он хотел жить, да. Но потом такое состояние пришло, когда было уже все равно. Мама хотела чтоб нас не стало. А меня рядом не было, мы поссорились. Даже не помню, из-за чего. Уже начинали мириться, но не успели. Я не успела.

У него глаза на последней фотке такие обожженные. Паспортная кажется фотка. Я ее потом увеличивала, думала, все захотят себе взять.

Был четверг, я пришла на работу. Я мало спала, меня Лукьянов пилил до утра, и очень на душе было плохо. Заснула часов в пять. Я думаю, он умер как раз перед этим временем. А в девять я пришла на работу. И позвонил Лукьянов тут же, и сказал, что говорил с папой, тот звучал странно. Просил перезвонить на Банку.

На Банке трубку взяла мама. Она выла. Слушать это было неприятно. Сквозь вой она выговорила наконец:

– Вася умер! – и опять нечленораздельно.
– Что с ним случилось?

Я не могла ничего понять. И очень жестко, почти грубо, попросила позвать папу. Меня раздражал этот вой.

Потом я поехала на Банку. Помню, как застегивала сапоги, одевалась, закуривала на ходу. Я ничего не чувствовала. Я ничего не чувствовала. Ничего.

– Женщина, сядьте, вам же плохо! Женщина!

Это мне. Я заметила, что ко мне обращаются, только когда она за рукав меня потянула. Мы были в вагоне, я висела на одной руке, держась за поручень. Тут оказалось, что говорить я не могу, и я молча села, куда сказали.

И посмотрела на женщину, которая место уступила. Садиться было нельзя, что-то развязывалось внутри, это было не удержать. Слава богу, она вышла, и я сразу встала. Потом я шла вдоль проспекта и опять курила. На мне было длинное пальто, каблуки. Не думать.

На Банке была фельдшерица со скорой, которая как раз пыталась маме втереть какой-то уколчик. Та упиралась.

А в комнате он лежал. И задвижка была сорвана. Маленькая защелка, как в туалете. Он ее поставил, потому что мама постоянно вламывалась. И эта задвижка висела теперь на одном гвоздике, такая жалкая. Опять вломилась. А он лежал с кришнайтской книжкой в руке, и свитер остался задран – сердце слушали. Порядок был идеальный в комнате. Магнитофон на столе, Nina Hagen.

Я потом когда все вместе сложила, звонки телефонные, какие он в последний день делал, кассету с Ниной Хаген, порядок, – я сразу поняла, что уходила бы так же. Стирая следы. Мы с ним сильно были похожи. Только у него в голове всегда были вещи, которых не было у меня. Например смерть.

Потом я пошла в поликлинику. Какие-то бумаги выправлять.

Потом ждали перевозку. Когда уже забирать его приехали, симпатичный такой дядька, немолодой, сказал дать простыню. И глаза моего брата закрыл.

Мы стояли и смотрели. Потом мама рванулась – обязательно снять свитер. Хороший же свитер, шерстяной, теперь пропадет. Потом снова рванулась – сорвать фенечку с руки кришнайтскую.

Он ее привязал, потому что ему так захотелось. Мой брат собирался умереть с этой фенечкой. Я молчала. Моя ненависть к маме была холодной и бессмысленной.

Потом я занималась похоронами. Свидетельство о смерти (хотите фотографию из его паспорта?), гроб (какого он у вас роста?), морг (вы будете заказывать покрывало?), звонки (у нас произошло большое несчастье). Рынок, блины, автобус. Все равно, что делать. Главное – не останавливаться. Очень засыпать было страшно.

Потом... Потом они все пришли. Человек пятьдесят, я посчитала.

Было слякотно, и летел первый снежок.

И вот церковь, еще про церковь хочу сказать. В церкви все-таки лучше прощаться, чем возле мусорки на задворках морга в Хользуновом переулке.

– Ты ведь жить не собираешься, – сказала мне мама. И фотка моя давно стояла на полочке вместе с другими покойниками.

2014-2017